КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА Г. КОНИССКОГО

УДК 281.93
ББК 86.372.24

Кожурина Т. А.

Данная статья посвящена исследованию концептосферы Георгия Конисского. Основное внимание уделяется выявлению ядерных и периферических концептов. Рассматриваются антропоцентрические, функциональные и когнитивные парадигмы понятий.

Ключевые слова: концепт, ядро, периферия, концептосфера, проповедь, христианство, внутренний мир, картина мира.

Георгий Конисский известен как выдающаяся личность, церковный деятель, проповедник, политик и дипломат, ученый, педагог, писатель. Его творческая деятельность относится к 18 веку, к периоду широких социальных, общественно-политических и религиозно-культурных преобразований.

Концептосфера Г. Конисского характеризуется широким представлением антропоцентричных и религиозных концептов, связанных между собой общей идеей христианских ценностей автора.

В отдельную группу выделяются концепты, относящиеся к сфере исторических личностей, событий, государственных образований того времени (*нашествія на нее Татаръ съ Ханомъ ихъ Батыемъ; бытіе Малой Россіи въ Общей Россійской Исторіи* и др.). За каждым концептом стоит определенный когнитивный смысл, информация, культурно-историческая значимость, а в определенных случаях экспрессивность, оценочность (*Король Владиславъ Ягелонъ Второй... и политика его, то бодрственная, то безпечная, упала, наконецъ на главу его, вскруженную высокомѣрнымъ духовенствомъ Римскимъ*).

Другая группа концептов относится к сфере топонимики и гидронимии (*полуденная часть Руси или Малоросіи т.е. Галиція; соединеніе Руси съ Литвою; землѣ Древлянской или Полѣсіи; изъ Черного моря и рѣкою Днѣпромъ къ той Кіевской горѣ...*).

Наиболее многочисленна группа концептов, относящаяся к сфере духовной жизни людей, к их переживаниям и эмоциям (*...была наречена по крещеніи Еленою; многія соединились родствомъ съ владѣтельными и вельможескими фамиліями тамошними; когда все въ ней дышало злобою, мщеніемъ и отчаяніемъ, возникло новое зло, какъ бы самымъ адомъ устроенное на пагубу людскую; питавшіе ненависть*).

Язык религиозных текстов Г. Конисского как способ бытия смысла в единстве своей статики и динамики, а также пространственно-временных характеристик представляет собой когнитивный процесс символизации смысла (символизирующий процесс) и социокультурно детерминированное пространство символизированных смыслов (символосферу). На языке религии любой смысл становится религиозным, т.к. благодаря действию специфических когнитивных конструктов и механизмов, язык религии сакрализует окружающий мир и внутренний мир религиозного человека, создает особый способ мотивации[1].

В сочинениях Г. Конисского нашла отражение **антропоцентрическая, функциональная, когнитивная парадигма, согласно которой тело человека**, а также его части, является той моделью, согласно которой осуществляется концептуальное и языковое конструирование мира человека (*наг убу души и тѣла; твои грабли-руки; въ томъ трупѣ всѣ союзы членовъ, остыла кровь и въ гной претворилась; это есть одна телуха, а намъ ядро надобно*).

В творчестве Г. Конисского подробно представлен концепт человек. Так, ядро данного концепта характеризуется универсальными, генетическими (объективными) знаниями о теле (*сочтено было послѣднихъ 3,719 человѣкъ изъ свободныхъ войсковыхъ и городовыхъ жителей, служившихъ въ прежнія войны волонтирами Запорожцами; изъ Козаковъ въ мужики, а изъ мужиковъ въ Казаки по произволу каждого; похоронилъ и тѣла убитыхъ Козаковъ и Поляковъ*), а периферия концепта "человек телесный" репрезентируется национально-обусловленными, субъективными знаниями о теле (*о блудникъ и прелюбодѣй; о лихоимецъ, что твои грабли-руки еще накорченныя суть къ грабленію; пьяница, не сопротивился на логу пьянственному*).

Особое место отводится именам исторических личностей (в сочинении «Исторія русовъ или Малой Россіи»: *съ ордами Понтійскаго Царя*

1 Лихачев Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли. [В кн.:] Н. Каверин (ред.), Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. – М. : Изд. Сретенского монастыря, 1999. – С. 276–279.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Митрида; Каганъ, воевавшій Грецію и осаждавшій флотиліею своею и сухопутнымъ войскомъ столичный городъ Константинополь), библейским именам и именам проповедников (*взята она изъ книгъ Священныхъ библій и изъ древней обширной библіотеки, въ Кіевѣ собранной: на преданіе суду беззаконнѣй нему Понтійскаго Пилата, игемона; имя Господне, Царь Израилевъ; душа Лазарева; какъ и Петръ Апостолъ, возвѣщающему Христу о страданіи*), а также именам целых народов (*имѣть, по сему Іудеи, современныи благовѣстію Христа Спасителя; съ согласія Славянъ на ихъ приморскихъ земляхъ, Болгарами называли тѣхъ, кои жили при рѣкѣ Волгѣ*).

Ярко и многопланово представлена в картине мира Г.Конисского душа, составляющая сущность человека, его внутренний мир, особое нематериальное начало, способное существовать независимо от тела (*твоя душа ощутитъ таковъ гласъ Архангеловъ*), особое бессмертное нематериальное начало в человеке, связывающее его с Богом (*благодатію Божіею наполненная душа*). Кроме того, в концепте нашло отражение древнее значение слова «дъхъ» – как дыхание, дух, бесплотная сущность (*сосудъ тѣла твоего, храмъ Духа Святаго; отъ Пресвятой Дѣвы Маріи наитіемъ Духа Пресвятаго*).

Христианство обусловило понимание *души* в проповедях Г. Конисского как морально-этической сущности, связывающей человека с Богом: *душа* как вместилище, сосуд – она может быть пустой (опустошенной) или полной (заполненной); *душа* может быть тайником, хранилищем, сокровищницей (*сосудъ тѣла твоего, храмъ Духа Святаго*). Сюда же относится представление о невозможности увидеть душу и ее содержимое, о непроницаемости ее для чужого взгляда, душа выступает как синоним индивидуальности, личности (*двери души нашей отверсти*). Душа может принимать некие размеры (может быть великой или мелкой), в ней могут одновременно присутствовать различные стремления (*супостатъ сей душевный такъ обласкался и сдѣлался будто домочадцемъ*), как воздух (*душа Лазарева изъ своего обиталища вылетела*), со свойствами физического тела, как некий орган (*блудная чума не одну душу, но и тѣло купно поражающая; не только души, но и тѣлеса почелъ быть членами и частями Самого Себя*), как некая ценность, которую можно заложить, продать, купить или которой можно завладеть (*душѣ грешащей орудіемъ есть; всегда о цѣнѣ душъ и тѣлесъ нашихъ удами Христовыми быть удостоившихся; и душею и тѣломъ не свои есьмы, куплены бо цѣною*).

Часто в проповедях Г. Конисского концепт *душа* синонимичен понятию *сердце*, что связано с представлением о локализации *души* в *сердце* (*приходитъ бо и нынѣ Онъ до сердца нашего; входъ Спасителя нашего въ сердца наши; прелагаются горы въ сердца морская; сіе то ожесточеніе нераскаяннаго сердца; не сердце человеку не взыдоша*). В языковой картине мира Г. Конисского *душа* выступает как символ внутреннего психического мира человека, место средоточия эмоций, желаний, связанных с удовлетворением духовных запросов и потребностей (*обнять умомъ, или сердцемъ, или чувствіемъ какимъ нашимъ совершенство царствія Божія*). Таким образом, модель личности у Г. Конисского основывается на противопоставлении тела как материального компонента человеческой сущности душе как морально-эмоциональному ядру человека. И в этом противопоставлении приоритетом обладает именно душа (*когда тѣло его, сосудъ грѣха, крѣпостница беззаконій, такъ рассыплется, что плоть на костяхъ и кости при своихъ жилахъ не останутся, душа же окаянная отведется въ плѣнъ вѣчную*). Противопоставление *души* и *тела* у Г. Конисского часто происходит как противопоставление земных благ и духовных. Образ *души* как высшей ценности противопоставляется материальным, земным богатствам (*напротивъ въ чистыхъ непорочныхъ душахъ храмъ себѣ и чертогъ избираетъ Духъ Святой*). В антитезе душа-тело присутствует мотив тесной связи духовного и телесного (*и сіе то соединеніе душъ и тѣлесъ нашихъ; въ чистыхъ и непорочныхъ душахъ и тѣлесахъ; не только души, но и тѣлеса почелъ быть членами и частями Самого Себя*). В паре *душа-плоть* в проповедях Г. Конисского отношения разные, и зависимость *тела* от *души* может меняться на зависимость *души* от *тела*, но в гораздо меньшей мере. Душа мыслится зависимой лишь от некоторых недостатков плоти (*бо въ плотскомъ супружествѣ, однакъ забудетъ ли Онъ свойственниковъ и братію Свою, отложитъ ли плоть нашу отъ Себя*). Земная жизнь рассматривается как особенный путь души, от которого зависит ее дальнейшая судьба, а душа видится как важнейший и основной элемент человеческой сущности, не зависящий от внешних обстоятельств земной жизни (*во всѣхъ и душевныхъ и тѣлесныхъ, и тонкихъ и грубыхъ, даже и въ самыхъ словахъ и помышленіяхъ грѣховныхъ, тѣло наше душѣ грѣшащей орудіемъ есть*).

Языковое выражение эмоций у Г. Конисского оформляется эмоционально-оценочной лексикой и экспрессивным синтаксисом: эмотивные предложения, реприза, стилистические повторы, парцелляция и другое (*оживающими и снѣдающими ихъ, утверждаютъ бо натуры*

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ихъ испытатели; глупъ былъ бы, который бы съ чумою хотѣлъ сражаться, тоже разумѣть и др.). Описание эмоций достигается использованием в языке глаголов чувств и отношений (*совсѣмъ невозможно врачевать; апостольскихъ словъ разумѣютъ блудника; пернѣсъ такового въ тѣло согрѣшенія и др.*).

В текстах Г. Конисского встречается изображение эмоций через описание поведения и внешнего вида человека. Выделяются такие компоненты, которые изображают его эмоциональное состояния: речь, характеристика речи как деятельности (*станете, говоритъ; тоже разуметь должно*); описание внешности / изменения внешности. Описание изменения внешности с целью изображения эмоций человека сосредотачивается на описании лица (фрейм лица) и его составляющих (субфреймов), в первую очередь это глаза, брови, щеки, нос (*блюсти око отъ прелестей и уши отъ бесѣдъ*); описание движений, жестов (*влѣзъ туда же и голышъ; царь пришелъ въ залъ видѣти гостей своихъ; таму будетъ плачь, сирѣчь*).

Особое место в языковой картине мира Г. Конисского занимает антитеза концептов-категорий *прекрасное – безобразное. Прекрасное* представляет собой абсолютную ценность и несет в себе положительную значимость в творчестве Г. Конисского, *безобразное* ценностью не является, но именно по отношению к *безобразному* обнаруживают себя ему противоположные проявления *прекрасного*. Дихотомия *прекрасное-безобразное*, отражая двоичность восприятия окружающего мира, является универсальной оппозицией, которая лежит в основе описания языковой картины мира Г. Конисского и обусловливает специфику его ментальной концептосферы и системы ценностей. Безобразно не только то, что лишено образа Божьего, но и то, что направлено против Бога и христианского вероучения в целом. В качестве силы, противопоставленной Богу, в концептосфере Г. Конисского выступают *лукавый, дьявол, бесы, демоны*, которые являются источником зла и греха (*не преселится къ тебе, лукавый и др.*). Если свет в системе нравственно-эстетических взглядов Г. Конисского воспринимается как чувственное воплощение Бога, то тьма становится неотъемлемым атрибутом и качеством сил зла (*и ты, наконецъ, діаволъ, праведно, кажется, настоишь, дабы Богъ, яко огонь поядаяй грѣшники*). Поэтому все, что носит временный характер, относится к сфере земного существования, тленно и преходяще по своей сути, антитетично Богу, т.е. относится к категории *безобразного*. Таким образом, категория *безобразного* в концептосфере Г. Конисского – прежде всего категория этическая, в осмыслении которой доминирующим становится духовно-религиозный аспект. Безобразное – это антиценность, противопоставленная прекрасному, соотносимому с представлениями о Боге.

В системе ценностей Г. Конисского большое значение имеет понятие греха, в котором нашли свое отражение мировидение русского православного человека, его психология, этические и моральные принципы, религиозные знания (*за кого бо Онъ умеръ, если не за грѣшниковъ; во грѣхъ роди насъ мати наша; кромѣ Христа Іисуса, умершаго за гѣрхи наши*). Н. О. Козина отмечает, что грехом на Руси, следуя новозаветной христианской традиции, «считается поступок, нарушающий закон совести, т.е. безнравственный поступок»[2]. Ключевым в осмыслении данного понятия в системе концептов Г. Конисского становится религиозный аспект: именно приобщенность к христианским ценностям определяет этические нормы концептосферы проповедника. Однако концепт *грех* у Г. Конисского – понятие многоплановое. Любой поступок, противоречащий нормам христианской этики, является грехом, и человек приобщается к греху, если обладает определенными отрицательными качествами, например, такими, как склонность к вражде, ненависть к ближнему, злость, жестокость, жадность и корысть, сластолюбие и склонность к блуду, отсутствие стыда, склонность к ропоту, лживость, склонность к лести, лень и др. (*тѣло наше душѣ грѣшащей орудіемъ есть, въ какомъ разсужденія никакой грѣхъ кромѣ тѣла быть не можетъ: второе, объяденіе и пьянство; убийца убиваетъ старонняго*).

Согласно христианской концепции, спасение и воскресение души возможно благодаря Высшей силе – Божеству. И здесь – употребление таких концептов, как *Иисус Христос* и *Бог*.

В текстах Г. Конисского концепт *Иисус Христос* является основополагающим (*за милость Свою благоволилъ Сынъ Божій, Единородный; удове Христовы; захотѣлъ бы отъ Христа; христіане Тѣлу и Крови Христа Спасителя; пожершагося за насъ Сына Божія*).

В понимании Г. Конисского *Бог* – это нечто непознаваемое, таинственное, вбирающее в себя представления о душе, соборности, доброте, открытости, сердечности (*и помазывай насъ Богъ; причащению тѣла и крови Господни; слышитъ Богъ нынѣ*).

Концепт *Бог* у Г. Конисского в свое семантическое поле включает семы «бесконечность», «ве-

2 Козина Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех»: автореф. ... канд. филол. наук: 100201 Русский язык. – Иваново, 2003. – С. 13.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

личие», «вечность», «творец», «свет», «солнце», «жизнь», «начало», «единый», «трехликий», «вездесущий».

Таким образом, творчество Г.Конисского характеризуется богатством значений различных лексических единиц и концептов, восстановлением архаических значений, широким разнообразием словоупотребления, а также представляет собой необыкновенный полифонизм и синтез разнородных языковых и художественно выразительных средств.

Список литературы

1. Козина, Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех»: автореф. ... канд. филол. наук: 100201 Русский язык / ИГУ; Н. О. Козина. – Иваново, 2003. – 21 с.

2. Лихачев, Д. С. Русский язык в богослужении и в богословской мысли. [В кн.:] Н. Каверин (ред.), Богослужебный язык Русской Церкви. История. Попытки реформации. – М. : Изд. Сретенского монастыря, 1999. – С. 276–279.

CONCEPTUAL WORLDVIEW OF GEORGI KONISSKY

T. A. Kozhurina

The present article is devoted to the study of the Georgi Konissky's conceptual space. Special attention is paid to defining nuclear and peripheral concepts. Special attention is paid to the anthropocentric, functional and cognitive paradigms of ideas.

Keywords: concept, nucleus, periphery, conceptual space, sermon, Christianity, inner world, worldview.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова